

ТЕМА НОМЕРА

**М.А. Бурда,
В.Ю. Зорин**

**M. Burda,
V. Zorin**

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТ КОМПАКТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК ФАКТОР РИСКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA: FORMATION OF PLACES OF COMPACT RESIDENCE OF FOREIGN CITIZENS AS A RISK FACTOR FOR INTERETHNIC RELATIONS

Аннотация

Миграционная политика Российской Федерации остается актуальной сферой современных научных исследований, обусловленной позиционированием России как главного центра миграционного притяжения на постсоветском пространстве. Объемы внешней миграции и сосредоточение мигрантов в отдельных российских регионах можно рассматривать как один из факторов миграционных рисков, оказывающих влияние на межнациональные отношения. Рассматривая миграционные процессы как фактор не только внешнего, но и внутреннего влияния на политическую систему, в качестве одной из целей научных изысканий можно определить выявление влияния внешней международной миграции на сложившиеся межнациональные отношения в современной России, в том числе с учетом формирующихся мест компактного проживания иностранных граждан.

Оценка влияния миграции на межнациональные отношения в России предполагает использования не только формально-юридического метода исследования, характерного для выявления особенностей политико-правовой составляющей миграции, но и цивилизационного подхода, описывающего основные различия в нар-

Abstract

The migration policy of the Russian Federation continues to be an urgent area of modern scientific research, due to the positioning of Russia as the main center of migration attraction in the post-Soviet space. The volume of external migration and the concentration of migrants in certain Russian regions can be considered as one of the factors of migration risks that affect interethnic relations. Purpose of the study: Considering migration processes as a factor of not only external, but also internal influence on the political system, one of the goals of scientific research can be determined to identify the impact of external international migration on the prevailing interethnic relations in modern Russia, including taking into account the emerging places of compact residence of foreign citizens. Research methods: Assessment of the impact of migration on interethnic relations in Russia involves the use of not only a formal legal research method characteristic of identifying the features of the political and legal component of migration, but also a civilizational approach that describes the main differences in the narratives of local residents and migrants, as well as the assessment of statistical data that allow

ративах местных жителей и мигрантов, а также оценки статистических данных, позволяющих анализировать количественные показатели миграционной политики государства. Результаты исследования позволяют определить некоторые особенности миграционной ситуации на современном этапе, оказывающие влияние на межнациональные отношения, связанные с недостатками механизмов иммиграционного контроля, отсутствием эффективных программ социокультурной адаптации, а также замкнутостью миграционных сообществ к процессам социализации. В исследовании определены критерии определения мест компактного проживания мигрантов, а также выделены особенности субъектов Российской Федерации позволяющие говорить о наличии данного потенциала. Представленные в исследовании материалы указывают на потенциал формирования центров миграционного притяжения на региональном уровне, в рамках не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и муниципальных образований.

Ключевые слова:

миграция, миграционные процессы, центры миграционного притяжения, мигранты, места компактного проживания, межнациональные отношения, миграционная политика.

analyzing quantitative indicators of the migration policy of the state. Results of the study: It is possible to determine some features of the migration situation at the present stage, influencing interethnic relations and associated with the shortcomings of immigration control mechanisms, the lack of effective socio-cultural adaptation programs, as well as the isolation of migration communities to socialization processes. The study determined the criteria for determining the places of compact residence of migrants, and also highlighted the peculiarity of the constituent entities of the Russian Federation that allow us to talk about the presence of this potential. Conclusion: The materials presented in the study allow us to talk about the potential for the formation and direct formation of centers of migration attraction at the regional level, within the framework of not only individual constituent entities of the Russian Federation, but also municipalities, which is confirmed by a number of foreign practices and the current migration situation in modern Russia.

Key words:

migration, migration processes, centers of migration attraction, migrants, places of compact residence, interethnic relations, migration policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-6-17>

В современном мире складывается достаточно стабильная тенденция миграционных маршрутов, которые проистекают не только в классической парадигме с юга на север и с востока на запад, но и из государств мировой периферии в государства так называемого «центра».

По данным Международной организации по миграции Российская Федерация в настоящее время является одним из центров глобального миграционного притяжения наряду с США, Германией и Саудовской Аравией, опережая Великобританию, Францию, ОАЭ, Канаду, Австралию и Испанию¹.

---

¹ Обзор численности населения в мире / Международная Организация по Миграции (МОМ). Женева. С. 11. URL: <https://clck.ru/3DS6rK> (дата обращения 11.02.2024).

Следует отметить, что в контексте миграционных процессов «государства центра» или «центры миграционного притяжения» – это скорее не географическое, или экономическое понятие, но и категория общественно-политическая, связанная с межнациональными отношениями между автохтонным населением и мигрантами, что позволяет говорить о новом понимании данной дефиниции в миграционных исследованиях. В таких центрах миграционного притяжения осуществляется активное взаимодействие автохтонного населения и внешних мигрантов, что в случае недостаточного внимания со стороны акторов государственной миграционной политики становится одним из факторов риска дегармонизации межнациональных отношений.

Описанная проблематика достаточно обширно представлена в современных исследованиях миграционной сферы, чему посвящены работы В.А. Волоха [2], В.Ю. Леденевой [6], С.В. Рязанцева [7] и др. При этом, западная научная школа рассматривает взаимодействие местных жителей и мигрантов не только в рамках социокультурного взаимодействия [10; 11; 14; 16], но и в рамках более широкого понимания мультикультурализма, как формы этического восприятия внешней миграции в контексте соотношения прав автохтонного населения и мигрантов в доступе к равным гражданским правам на территории принимающего государства [12; 13].

Анализируя социокультурную адаптацию, как одно из направлений миграционной политики государства большинство исследований рассматривает проблематику в рамках уже сложившихся на территории государства – центра миграционного притяжения иммигрантских сообществ и, на наш взгляд, недостаточно уделяет внимание первопричине их формирования, которая обусловлена комплексом миграционных факторов, находящихся в сфере ведения государственного регулирования.

Обращаясь к теории миграционных сетей Д. Массея [15] следует отметить, что формирование государств – центров миграционного притяжения, характерно не только для трансграничных миграционных процессов, но и для локальных процессов внешней миграции, направленных в какое-то определенное государство. При этом если такое государство выступает центром миграционного притяжения в процессах трансграничной миграции, то попадая на территорию государства-реципиента иностранные граждане под воздействием различных факторов, среди которых можно выделить наличие работы, диаспоры, логистики и др., формируют такие центры миграционного притяжения уже на региональном и даже муниципальном уровне. Рассмат-

ривая такие центры на примере московской агломерации, мы можем выделить районы рынков «Садовод» и «Фудсити», а также старые районы таких подмосковных городов, как Балашиха, Котельники, Мытищи, где мы могли наблюдать определенные точки и кейсы межнационального напряжения.

Анализируя условия формирования искусственных национально-этнических анклавов Ф. Фукуяма отмечал, что у подобных «параллельных сообществ» существуют два пути выбора собственной идентичности. В первом случае – это равенство с иными группами, даже численно преобладающими, а во втором случае – это формирование отдельной «отличительной идентичности», позволяющей подчеркнуть имеющиеся отличия от основной массы населения [8].

В свою очередь, С. Хантингтон отмечает, что наличие новых многонациональных и мультикультурных формаций предопределило и образование рисков и вызовов, связанных с интеграцией новых членов и толерантного отношения к ним принимающего общества [9].

Взаимодействие принимающего общества и сообществ, в которых проявляется наличие иных культур, системы ценностей, миграционного прошлого является одной из наиболее актуальных проблем государственного управления современной России. Это обусловлено значительными показателями внешней миграции из отдельных государств постсоветского пространства, прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Киргизии [1], выходцы из которых и формируют большую часть подобных сообществ.

Существуют различные подходы к оценке количества иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации. Анализ количественных показатели позволяет отметить, что различные экспертные оценки. Если говорить об официальных данных, то МВД России оценивает количество постоянно находящихся в России иностранных граждан в количестве 6-7 млн чел.¹.

Как правило, различие экспертных и официальных оценок количества иностранных граждан обусловлено методикой подсчета количественных показателей, где в одном случае учитываются иностранные граждане, находящиеся в России с целью осуществления временной трудовой деятельности и оформившие соответствующие разрешительные документы, а также иные лица, имеющие задокументированное право на временное пребывание, в другом случае в качестве экспертных оценок может выступать лишь только

---

¹ Интерфакс. МВД насчитало в России 6 миллионов иностранцев. URL: <https://www.interfax.ru/russia/874001> (дата обращения 24.02.2024).

факт постановки на миграционный учет на территории Российской Федерации. Следует отметить, что реальное число иностранных граждан, находящихся в настоящее время в России, является предметом широкой дискуссии, с учетом лиц, поставленных на миграционный учет ранее (накопительный эффект), а также лиц, находящихся на территории нашей страны с нарушениями миграционного законодательства.

Также следует обращать внимание и на особенности сформированного в современной России миграционного режима, формирующего определенный набор факторов миграционной привлекательности, прежде всего в политико-правовом смысле, для государств постсоветского пространства и Евразийского экономического союза [6].

По данным Единой межведомственной информационной системы (ЕМИСС), пограничной службы ФСБ России и МВД России, всего в 2023 году на территорию Российской Федерации въехало порядка 15 млн иностранных граждан, в 2022 году – 13,4 млн., в 2021 – 12,8 млн. При этом, в 2021 году с территории постсоветских государств с безвизовым порядком въезда на территорию Российской Федерации въехало 9 млн 850 тыс. чел, в 2022 году – 10 млн 560 тыс. чел., в 2023 году – 11 млн 419 тыс. чел.¹.

Следует отметить, что имеющаяся форма миграционного учета иностранных граждан, зарегистрированных по месту временного пребывания или месту жительства, не позволяет определить реальное количество иностранцев в том или ином населенном пункте Российской Федерации. Так, лица, осуществляющие нелегальную трудовую деятельность, зачастую могут быть зарегистрированы в другом субъекте Российской Федерации или вообще не иметь постановки на миграционный учет. В этой связи, говоря о возможном совершенствовании методов учета мигрантов и иммиграционного контроля, можно обратиться внимание на практики, связанные с введением обязательной дактилоскопии, фотографирования иностранных граждан, сбора биометрических данных, введения электронных баз и идентификаторов.

При этом существенная часть иностранных граждан, въезжая на территорию России с целью работы не оформляют необходимые документы и занимаются нелегальной трудовой деятельностью (табл. 1).

---

¹ Единая межведомственная информационная статистическая систем (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 24.02.2024).

Таблица 1. Соотношение количества фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан в отдельных субъектах Российской Федерации по итогам 2022 году с учетом заявленной цели въезда «работа» и оформленных патентов – составлена автором по материалам МВД России. «Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам» - составлено автором на основании данных ЕМИСС¹.

Субъект Российской Федерации	Количество фактов постановки на миграционный учет по месту временного пребывания (тыс.)	Указанная цель въезда «работа» (тыс. чел.)	Количество оформленных патентов / разрешений на работу (тыс.)	Количество уведомлений о заключении трудового договора или ГПД с иностранным гражданином осуществляющим ВТД (тыс.)
г. Москва	3 373	3 026	556/3	537
Московская область	2 149	1 779	300/9	292
СПБ и ЛО* ²	2 032	1 507	339/8	205
Краснодарский край	540	319	50/0,6	53
Свердловская область	366	264	55/1,8	53
Республика Татарстан	364	192	37/1,7	36
Иркутская область	319	275	41/0,9	50
Самарская область	265	169	29/0,5	30
Новосибирская область	242	155	34/0,7	46
Красноярский край	232	180	25/0,5	33
Калужская область	224	166	23/0,9	21
Челябинская область	222	127	20/1,3	22
Нижегородская область	218	165	29/0,8	28
Ханты-Мансийский АО	205	153	28/0,09	34
Тульская область	194	145	21/5	23

¹ Единая межведомственная информационная статистическая систем (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 24.02.2024).

² Город Санкт-Петербург и Ленинградская область рассматривается МВД России, как единый субъект статистической отчетности ввиду образованного единого территориального органа МВД России по указанным субъектам Российской Федерации – ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Представленная таблица позволяет нам говорить о трех типах субъектах Российской Федерации, имеющих потенциал формирования мест компактного проживания мигрантов (МКПМ). К таким субъектам можно отнести крупные города и агломерации (Москва + Московская область и Санкт-Петербург + Ленинградская область), региональные промышленные центры (Краснодарский край, Татарстан, Свердловская область, Нижегородская, Самарская и Челябинская области), а также близкие к московской агломерации субъекты, имеющие промышленный потенциал (Калужская и Тульская области). Отдельно стоит выделить субъекты Российской Федерации с высоким средним уровнем заработной платы (Ханты-Мансийский автономный округ), что также позволяет говорить о его существенной миграционной привлекательности.

Таким образом, на основании приведенных статистических данных мы можем выделить некоторые субъекты Российской Федерации – точки миграционного притяжения, которые формируются не только в рамках международных процессов трансграничной миграции, но и в рамках миграционных перемещений внешних мигрантов по территории государства-реципиента. Количество иностранных граждан в таких субъектах превышает средние показатели по Российской Федерации, в данных субъектах выделяется рост национальных диаспор иммигрантов, а также создание соответствующей «околоиммигрантской» инфраструктуры, что является одним из критических факторов потенциального обострения межнациональных отношений между автохтонным населением и внешними мигрантами.

Субъекты Российской Федерации, пользующиеся наибольшим уровнем миграционной привлекательности, сталкиваются с рисками образования мест компактного проживания иностранных граждан, которые зачастую именуют «анклавами». Вместе с тем, если приведенный термин применять все-таки в контексте этнополитических процессов и говорить о национально-этнических анклавах, то следует говорить об одной из форм материализации «параллельных пространств» [4]. Места компактного проживания иностранных граждан формируют «пространства», где наличествует определенный уровень идентичности, прежде всего религиозной, культурной, этнической и земляческой.

При этом следует различать национально-этнические анклавы, сложившиеся на территории Российской Федерации исторически, от национально-этнических анклавов, которые мы считаем целесообразным определить

не как анклав, а как именно – места компактного проживания мигрантов (МКПМ), сформированных в результате масштабных процессов внешней трудовой миграции в центрах миграционного притяжения, сформированных под влиянием искусственных процессов внутренних миграций, в первую очередь (оттока) автохтонного населения в более престижные районы.

По нашему мнению, рассматривая так называемые МКПМ, как общий термин для определения мест массового проживания иностранных граждан, имеющих иммиграционную историю следует выделить и некие маркеры, которые будет такого рода территории характеризовать.

Во-первых, основными условиями, способствующими формированию мест компактного проживания мигрантов, является наличие дешевого жилья, развитой неформальной диаспоры, активно взаимодействующей с местной муниципальной властью и открывающей на соответствующей территории различные инфраструктурные объекты в сфере общественного питания, медицины, спорта (полуподпольные спортивные клубы), культурные центры, под которыми маскируются незаконные молельные дома и др. Во-вторых, фактически самими мигрантами в указанных районах выстраивается полноценная инфраструктура (кластер этнического бизнеса), которая позволяет существовать в таких местах компактного проживания мигрантским сообществам без взаимодействия с внешней средой.

Такие, сформированные в рамках этнорелигиозного принципа места компактного проживания мигрантов приводят к их определенной замкнутости, ограничения контактов с принимающим обществом, существенному замедлению, или даже полному отсутствию процессов социокультурной адаптации, а как следствие этого радикализации мигрантских сообществ, проникновению экстремистских идей, негативному отношению к российским законам, традициям, правилам общежития, которым зачастую противопоставляются религиозные нормы, обычаи и традиции самих мигрантов.

Приходится констатировать, что подобный негативный опыт уже прошли страны Западной Европы и в полной мере столкнулись с последствиями наличия мигрантских анклавов.

А.В. Гордон достаточно подобно описал особенности и риски внешней миграции в увязке с ростом криминала на примере пригорода Парижа, города Обервилье. Так общий рост преступности в городе в период с 2014 по 2018 год, период активного количественного увеличения мигрантской общины и исхода автохтонного населения (Европейский миграционный кризис

2015-2016 гг. и его последствия) составил более 30%, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков выросло на 50%, воровства в два раза, а по количеству преступлений, совершенных с применением насилия и угроз (1387) город Обервилье в 2018 году занял второе место во всей Франции [3].

Рассматривая особенности формирования идентичности у мусульманских мигрантов в странах Западной Европы в рамках проводимой в их отношении политики социокультурной интеграции в европейское общество можно отметить определенные внутренние противоречия эволюции такого процесса, где желание интегрироваться через принятие определенных культурных и поведенческих нарративов принимающего общества сталкивалось с противопоставлением своих цивилизационных ценностей неолиберальным европейским, с последующим все более явным сопротивлением данному процессу, в том числе и с элементами определенного изоляционизма.

Таким образом, говоря о критериях, позволяющих говорить о потенциале формирования мест компактного проживания мигрантов (МКПМ) можно выделить следующее:

- создание точек локального миграционного притяжения, связанных с трудовой деятельностью иностранцев, как легальной, так и нелегальной;
- отток автохтонного населения;
- дешевое жилье;
- создание этнорелигиозной иммигрантской инфраструктуры (магазины, кафе, места досуга и отдыха, сферы услуг);
- наличие неформальных организационно-управленческих центров в виде диаспор, или их отдельных представителей.

В данном случае мы можем говорить о необходимости повышенного внимания местных властей к подомным районам, имеющим как формальные административно-территориальные, так и неформальные границы, что требует иных подходов в области обеспечения правопорядка, проведения контрольно-надзорных процедур, выдачи разрешительной документации для объектов «мигрантской инфраструктуры».

В настоящее время дополнительно актуализируется необходимость знания языка государства-приема внешними мигрантами, что является основополагающим условием эффективной адаптации к принимающему обществу, позволяющему иностранцу успешно коммуницировать и социализироваться. В этой связи, представляется целесообразным вернуться к практике не только

тестирования на знание русского языка, но и оценки разговорной речи иностранных граждан, что позволяет более предметно оценить возможности их коммуникации с принимающим обществом, ведь именно языковой фактор напрямую связан с гармонизацией межнациональных отношений.

Приходится констатировать отсутствие эффективных практик социокультурной адаптации иностранных граждан. отсутствие обеспечительных механизмов, законодательно закрепленных требований и критериев социокультурной интеграции иностранцев также в настоящее время является проблемой, которую необходимо решать не столько на территории Российской Федерации, но в большей степени в государствах исхода мигрантов, как минимум, в части изучения русского языка, наших традиций, норм поведения и общежития.

Разумеется, в российской практике социокультурной адаптации иностранных граждан реализуются отдельные успешные проекты, однако они носят локальный характер и не позволяют говорить о системном подходе в данном направлении государственной миграционной политики, что становится одним из факторов напряженности и потенциально способно оказать влияние на развитие межнациональных конфликтов, прежде всего между россиянами и мигрантами.

Литература

1. Бурда М.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве: Россия и особенности внешней трудовой миграции // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, №4. С. 399-407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
2. Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Вынужденные мигранты в России и во Франции: интеграционные траектории // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, №12(105). С. 5120-5129. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.105.12.034>
3. Гордон А.В. Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. №3. С. 5-31.
4. Ирхин И.В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Часть 1 // Lex Russica. 2021. №11(180). С. 39-51.
5. Леденева В.Ю. Адаптационные центры для мигрантов в контексте миграционной политики России / В. Ю. Леденева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, №4. С. 197-208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>
6. Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. №4(142). С. 9-15.

7. Рязанцев С.В., Леденева В.Ю. Интеграция иммигрантов в условиях этнодемографических трансформаций регионов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, №12(69). С. 2850-2858. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.69.12.014>
8. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. Москва: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. Т. Велимеев. Москва: Издательство АСТ, 2023. 640 с.
10. Bertacchini E., Venturini A., Zotti R. Drivers of cultural participation of immigrants: evidence from an Italian survey // Cultural Economics. 2022. №46. P. 57-100.
11. Constant A.F., Zimmermann K.F. Diaspora economics: New perspectives // International Journal of Manpower. 2016. №37(7). P. 1110-1135.
12. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration // World Politics. 1998. №50(2). P. 266-293.
13. Kymlicka W. Multicultural citizenship within multinational states // Ethnicities. 2011. №11(3). P. 281-302.
14. Novak-Leonard J. Immigrants, Arts Participation, and the Shifting Cultural Landscape in the US: An Empirical Analysis. University of Chicago Cultural Policy Center, Working Paper August, 2015.
15. Massey D., Joaquin A., Koucouci A. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. №3. P. 431-466.
16. Misuraca R., Zimmermann K. Migration and Consumption. URL: https://www.researchgate.net/publication/379512602_Migration_and_Consumption (дата обращения 07.04.2024).

References

1. Burda M.A. Migratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve: Rossiya i osobennosti vneshnei trudovoi migratsii. Problemy postsovetского prostranstva. 2022. Т. 9, №4. С. 399-407. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-4-399-407>
2. Volokh V.A., Dmitrieva T.N. Vynuzhdennye migranty v Rossii i vo Frantsii: integratsionnye traektorii. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2023. Т. 13, №12(105). С. 5120-5129. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.105.12.034>
3. Gordon A.V. Tsivilizatsionnye problemy mul'tikul'turnogo parizhskogo prigoroda. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9, Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyi zhurnal. 2022. №3.
4. Irkhin I.V. Natsional'no-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoi aspekt) chast' 1. Lex Russica. 2021. №11(180).
5. Ledeneva V.Yu. Adaptatsionnye tsentry dlya migrantov v kontekste migratsionnoi politiki Rossii. V. Yu. Ledeneva. DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. 2023. Т. 3, №4. С. 197-208. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.12>

6. Mikhailova N.V., Burda M.A., Grishin O.E. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika Rossii: aktual'nye voprosy vneshnei trudovoi migratsii. Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2020. №4(142). S. 9-15.

7. Ryazantsev S.V., Ledeneva V.Yu. Integratsiya immigrantov v usloviyakh etnodemograficheskikh transformatsii regionov Rossii. Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2020. T. 10, №12(69). S. 2850-2858. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.69.12.014>

8. Fukuyama F. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. Moskva: Al'pina Pablisher, 2019. 256 s.

9. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii: Per. s angl. T. Velimeev. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2023. 640 s.

10. Bertacchini E., Venturini A., Zotti R. Drivers of cultural participation of immigrants: evidence from an Italian survey. Cultural Economics. 2022. №46. P. 57-100.

11. Constant A.F., Zimmermann K.F. Diaspora economics: New perspectives. International Journal of Manpower. 2016. №37(7). P. 1110-1135.

12. Joppke C. Why liberal states accept unwanted immigration. World Politics. 1998. №50(2). P. 266–293.

13. Kymlicka W. Multicultural citizenship within multinational states. Ethnicities. 2011. №11(3). P. 281–302.

14. Novak-Leonard J. Immigrants, Arts Participation, and the Shifting Cultural Landscape in the US: An Empirical Analysis. University of Chicago Cultural Policy Center, Working Paper August, 2015.

15. Massey D., Joaquin A., Koucouci A. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review. 1993. Vol. 19. №3. P. 431–466.

16. Misuraca R., Zimmermann K. Migration and Consumption. URL: https://www.researchgate.net/publication/379512602_Migration_and_Consumption (data obrashcheniya 07.04.2024).